

ЭММА ШИММЕРМАН

ДНЕВНИК МЕРТВЫХ БЫВШИХ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ш61

Emma Simmerman
HERE LIE ALL THE BOYS WHO BROKE MY HEART

Copyright © 2026 by Emma Simmerman. All rights reserved.

Художественное оформление *Ольги Фатиховой*

Шиммерман, Эмма.
Ш61 Дневник мертвых бывших / Эмма Шиммерман ;
[перевод с английского Е. Лыковой]. — Москва : Экс-
мо, 2026. — 448 с. — (Ток. Список на выбывание).

ISBN 978-5-04-243806-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ
ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБО-
РОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНО-
ДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Каждый раз, когда парень разбивает мне сердце, я делаю
единственное, что помогает мне не слететь с катушек, — пишу ему
прощальную речь в своем дневнике. Это, знаете ли, моя фишка —
закрывать гештальт через творческую скорбь.

Но теперь это выглядит как признание в преступлении. Потому
что мои бывшие начали умирать. По-настоящему. И, конечно, все
улики ведут ко мне.

Мой выпускной год в колледже Пембрук должен был стать
временем вечеринок, свободы и ошибок, над которыми потом
смеются. Но все пошло немного не по плану: теперь я главный
подозреваемый в серии убийств и та, кто любой ценой должен
найти настоящего убийцу.

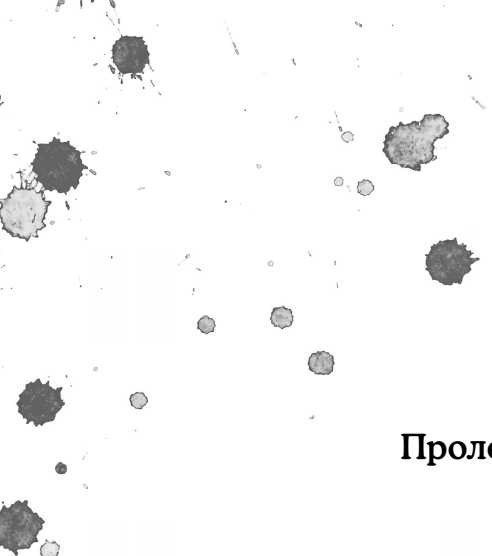
Но времени на размышления нет. Потому что список мертвых
растет. И если я не разберусь, что происходит, следующую прощаль-
ную речь напишут уже для меня.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Лыкова Е., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-243806-6

*Девчонке, которой я была в двадцать один, —
в итоге все сложилось хорошо*

Пролог

Как склеить разбитое сердце? Если спросить гугл, он выдаст тебе список того, что надо и не надо делать, типа: избегать контактов, избавиться от всех личных вещей и памятных сувениров, найти новый источник счастья. Если спросить моих лучших друзей, они посоветуют тебе нализаться до чертиков и замутить с его друзьями. Так что каждому свое, полагаю. Нет правильного или неправильного способа исцелиться. Я сама применяю другой подход. Когда кто-то разбивает мне сердце, я достаю свой дневник и бутылку вина и пишу для него надгробную речь.

Я знаю, как это звучит — странно, жутко, ненормально, все вышеперечисленное, — но ведь этого никто не видит, кроме меня. Это мой способ поставить точку и моя терапия, потому что если ты разобьешь мне сердце — тогда ты для меня умер. Фигурально. Так что представьте мое удивление, когда все парни, разбившие мне сердце, начали умирать.

Буквально.

Глава 1

Август

Стартовал мой последний курс обучения в Пембрукском колледже — новое начало. Если бы моя жизнь была сериалом, предназначенным исключительно для показа на «Нетфликсе», это был бы первый эпизод. Я могу себе представить, как сцена открывает взору маленькую ванную в квартирке. Свет выключен, но в окна струятся лучи полуденного солнца, освещая пространство как раз достаточно для того, чтобы увидеть, как в кадре внезапно появляется моя рука, словно зомби, выбирающийся из-под кладбищенской земли. Я хватаюсь за раковину, поднимаясь с пола. Камера дает крупный план, когда я поднимаю взгляд к зеркалу и смотрю на чучело, пляшущее на меня в ответ. Я вытаскиваю из своих спутанных волос нечто похожее на обертку от соломинки для коктейля. Моя рубашка с прошлого вечера наполовину сдернута. Один пучок накладных ресниц все еще держится, другой приклеился к моей щеке. Я вздыхаю по поводу своего внешнего вида и ковыляю прочь из ванной, но камера все еще сфокусирована на том же самом месте, и в мое отсутствие на экране появляется название шоу большими жирными буквами. Интересно, что бы оно гласило. Возможно, что-то типа «Человек-катастрофа» или «Исправимая?!», с вопросительным знаком, который в последнюю секунду напеле-

ДНЕВНИК МЕРТВЫХ БЫВШИХ

пывается в конце слова. Зрители бы задались вопросом, как я докатилась до жизни такой. Они бы сформировали свое первоначальное мнение об этой героине перед ними, и, возможно, я бы им не понравилась.

Сейчас я даже себе не нравлюсь.

Я выбрасываю мысли о себе из головы, когда крадусь на цыпочках через прихожую двухкомнатной квартиры за пределами территории кампуса, щурясь от неприятного утреннего света, и заглядываю в свою постель, желая, чтобы она оказалась пуста.

На подушке рядом с моей лежат короткие светло-русые волосы. Мое одеяло поднимается и опускается от медленного глубокого дыхания. Вот дерьмо. Я вхожу в свою комнату, переступая через джинсы и рубашки — одежду с прошлого вечера, сброшенную в спешке. Я даже едва могу вспомнить, был ли у нас... Я не заканчиваю эту нежеланную мысль, когда поднимаю со своей ночной тумбочки черный кожаный бумажник и открываю его. Ник Крейн, возраст — двадцать один, рост — метр девяносто, русые волосы, голубые глаза, из Бостона. Гм. Неплохо. Я еще мгновение изучаю удостоверение личности, когда он начинает шевелиться, поворачиваясь ко мне. Я быстро захлопываю бумажник и кладу его обратно, когда он сонно открывает глаза и улыбается мне.

— Эй, — говорит он.

Он милашка, и я задаюсь вопросом, как это я никогда не видела его раньше, учитывая, что мы ровесники. Пембрукский колледж большой, но не настолько. А к последнему курсу ты либо знаешь, либо, по крайней мере, узнаешь в лицо почти всех сверстников. От его ленивой ухмылки у меня съеживается желудок, когда я вспоминаю, что не помню, как мы сюда попали.

— Ненавижу это делать, но я должна идти на работу, поэтому тебе придется уйти.

**ЭММА
ШИММЕРМАН**

В действительности мне сегодня не нужно на работу; по факту я специально отпросилась на все выходные, но это вежливей, чем просто сказать ему убираться без какой-либо причины. Я начинаю шарить в своем комоде, вытаскивая то, что я бы надела на работу, если бы действительно туда собиралась. Первые выходные семестра, также известные как «Приветственный уик-энд», — это обычно безостановочная трехдневная вечеринка. Все вернулись после летних каникул, все загорелые и сияющие, и погода все еще теплая. На газоне перед каждым домом пьют люди, бары забиты битком. Готова поспорить, мои подружки уже опять на ногах и задаются вопросом, где я.

Его улыбка исчезает, когда он оглядывается, затем приподнимается на локтях.

— Сколько времени?

— Где-то два.

— Черт. — Теперь он полностью садится. — Хочешь перехватить что-нибудь перекусить перед выходом? Или хотя бы просто кофе?

Я нахожу, что в таких ситуациях лучше всего просто отвечать односложно.

— Нет.

Последнее, чего я хочу, — это лечиться от похмелья среди бела дня с кем-то, чье удостоверение мне пришлось проверить пять минут назад, будто я — вышибала в своей собственной спальне.

— О, о'кей. — Он собирает свою одежду с моего пола и начинает натягивать свои джинсы с прошлого вечера. — Ну, может быть, мы могли бы как-нибудь выпить?

Он встает, все еще держа в руках свою белую футболку. Я представляю себе, как мы буднично выпиваем вместе. Ему бы пришлось напомнить мне, как его зовут, я бы за-

ДНЕВНИК МЕРТВЫХ БЫВШИХ

казала больше одного напитка, и мы бы снова проснулись здесь.

— Может быть, — говорю я, но не планирую этого делать.

Я провожаю его до двери, переступая через ворох разбросанных по всему маленькому помещению коробок, которые мне все еще нужно распаковать. Я запинаясь о коробку, до краев заполненную теми же самыми книгами, которые я каждый год привожу в колледж, ругаюсь про себя, когда моя голень врезается в уголок «Маленьких женщин», опрокидывая стопку. Я мысленно извиняюсь перед Луизой Мэй Олкотт и сестрами Марч, когда книга в твердой обложке падает на пол. Он оборачивается на шум, и я как бы невзначай прислоняюсь к кухонной столешнице, притворяясь, будто бы я не рухнула на нее только что. Я смотрю, как его глаза скользят по пустым винным бутылкам и контейнерам из-под еды навынос. При мысли о том, что мне придется убрать все это, прежде чем завтра заселится моя кузина Адриенна, у меня начинается пульсировать голова. Я обхватываю себя руками, считая медленные, тошнотворные секунды, прежде чем могу откинуться назад.

Он выходит из моей квартиры на деревянную платформу перед лестницей.

— Можно мне, по крайней мере, узнать твой номер?

У него на лице такое выражение, что я чуть было не даю ему номер из жалости.

Чуть было.

— Нет, прощай, Нейт, это было весело.

— Меня зовут Ник...

— О'кей, ну все, пока-пока. — Я запираю дверь, ничего больше не сказав.

Я задергиваю шторы и ложусь в постель. Я не могу не чувствовать слабого разочарования в себе за то, что с такой

**ЭММА
ШИММЕРМАН**

легкостью вернулась к этой модели поведения. Предполагалось, что последний год будет другим; предполагалось, что я буду держать все под контролем, но вот я снова силюсь собрать воедино свои воспоминания о прошлом вечере, словно старый пазл, в котором не хватает кусочков.

Когда я наконец-то беру в руки телефон, я обнаруживаю пятнадцать пропущенных звонков от мамы и младшей сестры Клэр. Наша семья не из тех, кто общается ежедневно, — порой я разговариваю с мамой даже не каждую неделю. Они с моим отчимом Доном и самой младшей сестрой Софи как раз были здесь в четверг, помогая мне переселиться в эту квартиру, так что же им вообще от меня надо спустя меньше чем два дня? У меня под ложечкой формируется ужас, когда я думаю, что, возможно, сделала прошлым вечером что-то, ставшее поводом для этих звонков. Я быстро просматриваю свои сообщения и профили, перестраховываясь, прежде чем ответить им.

Я пишу им, сообщая, что я на работе и только сейчас проверила телефон. Немедленно выскакивает облачко сообщения в чате от Клэр, но исчезает, затем мой телефон снова звонит. Я какое-то время не беру трубку, смотрю на ее фото на экране мобильного. На снимке она искренне хохочет, и, глядя на него, я могу слышать в голове ее смех. В уголках ее светло-карих глаз появляются морщинки, а веснушчатые щеки расплываются в невинной улыбке. Мы не похожи внешне. Мы также не похожи поведением, по крайней мере, больше нет. Раньше Клэр всегда копировала все, что делала я. Если моим любимым цветом был фиолетовый, то и ее тоже. Если я заявляла, что ненавижу брокколи, то и она тоже. Но затем я стала достаточно взрослой, чтобы пользоваться косметикой и мелировать волосы, а она — нет. Следствием стало серьезное расхож-

ДНЕВНИК МЕРТВЫХ БЫВШИХ

дение наших характеров. Золотой ребенок Клэр и Слоан, ребенок, посланный самим Сатаной, чтобы разрушить жизнь моей матери.

Я нажимаю «отклонить вызов» и начинаю печатать.

Я сказала, что на работе, и ты можешь написать мне о том, что ты там хочешь сообщить.

Я нахожу, что лучше время от времени прибегнуть к мелкой безобидной лжи, чем вынужденно сообщать своей семье, что у меня сильное похмелье, особенно после событий прошлого года. Мне еще повезло, что Адриенны пока нет и она не лицежит меня в этом состоянии, поскольку я уверена, что моя мама назначила ее в Слоан-патруль. Это было одно из ее условий того, чтобы позволить мне закончить обучение в Пембрукском колледже: переселиться сюда вместе с моей кузиной, сдавшей на отлично экзамены в колледже, изучающей моделирование одежды как профильный предмет, держащей свою жизнь под контролем. Адриенна провела все прошлое лето в Нью-Йорке, проходя практику в «Валентино», а я в это время отрабатывала сто часов исправительных общественных работ. Мы не похожи.

Еще одно облачко сообщения от моей сестры. Я смотрю на маленькие точки, обозначающие, что она печатает. Но затем они исчезают. Мой телефон снова звонит, на этот раз это мама. Я отклоняю ее вызов тоже. Опять выскакивает лицо Клэр, и вместо ностальгии я ощущаю просто раздражение. Я беру трубку, готовая откусить ей голову.

— Ребят, у вас там что, кто-то помер, раз вы так бомбите меня звонками? — огрызаюсь я на нее.

Долгая пауза на другом конце линии.

**ЭММА
ШИММЕРМАН**

— Эм, ну... — тихо говорит она.

Я резко сажусь в постели, отчего моей голове не становится не лучше.

— Подожди, — говорю я, приглушая голос. — Кто-то действительно умер?

Когда я слышу на другом конце линии имя Джоны, у меня начинает звенеть в ушах. От этого звона останавливается время и пульсирует в висках, и этот пульс почти заглушает остальные ее слова.

Клэр заполняет мгновения тишины между биением пульса рассказом о том, как мой бывший парень из средней школы погиб прошлым вечером в ужасной аварии. Я прикрываю рот дрожащей рукой, и все, что могу сказать в ответ, — это «ох». Мы двое вместе сидим в тишине, и я знаю, что, если бы она сейчас была здесь, она бы положила голову мне на плечо, чтобы утешить меня; я бы тогда прижалась к ней. Комната ходит ходуном, когда я склоняюсь к телефону, жалея, что ее здесь нет.

— Мне жаль, — шепчет она, когда я больше ничего не говорю. — Ты в порядке?

— Ага. Просто... — Шокирована? Сбита с толку? У меня есть еще вопросы, хотя я знаю, что она не может на них ответить.

— Ага, — выдыхает она. И я знаю, что она поняла меня без слов.

Положив трубку после разговора с Клэр, я сижу, прижав колени к груди, заставляя себя заплакать, но слезы так и не скатываются. Я начинаю думать, что, возможно, мне должно быть стыдно за то, что я не плачу, но в каком-то смысле он уже был мертв для меня. Я написала ему надгробную речь и все такое.

ДНЕВНИК МЕРТВЫХ БЫВШИХ

Я получаю сообщение от мамы. Теперь, когда я узнала новости, она оставила попытки до меня дозвониться.

Ты в порядке?

Да, все хорошо.

Я снова встаю с постели и копаюсь в своем рюкзаке. Приходит еще одно сообщение от нее.

Ты уверена, что ты на работе? Клэр сказала, у тебя был такой голос, будто ты только что проснулась. Уже почти три часа дня, суббота. Слоан, если я узнаю, что ты тусовалась все выходные, ты вернешься домой.

Я закатываю глаза. Приходит третье сообщение.

Ты пообещала, что в этом году не попадешь в неприятности, не заставляй меня жалеть о том, что я позволила тебе вернуться.

Я хочу ответить заглавными буквами: «Я ПОНЯЛА», но не делаю этого, оно не стоит ссоры. Я нахожу свой кожаный дневник на самом дне рюкзака. Я беру его с собой в постель и открываю на первой странице, первой надгробной речи, посвященной Джоне.

